

Глава третья

Божественный Меч Линъюнь — классический фэнтезийный роман, который кардинально отличается от сетевой литературы, к которой привык Ци Моюнь.

Главный герой Лин Уюй не строит свою историю на унижении врагов, получении уровней и гаремах; его путь — это восстановление справедливости и спасение мира.

В книге отношения между кланами демонов и монстров однажды опустились до точки замерзания, но масштабной войны не последовало. Вместо этого стороны предпочли взаимное сдерживание: например, запретили союзы между расами, истребляли детей демонов и провозглашали полукровок ничтожными отродьями, недостойными жизни.

Чтобы выжить, бесчисленные дети демонов бежали из своих миров в мир культивации в надежде найти хоть какой-то приют.

Лишь немногие из них могли притвориться людьми и затеряться в толпе, но большинство не желало вечно прятаться во тьме, поэтому решило объединиться для вторжения в мир культивации.

Так для мира культивации наступила катастрофа.

Когда-то дети демонов выпустили ядовитые миазмы, повергнув мир в пучину страданий. Позже Секта Небесного Меча нашла противоядие и вместе с другими школами спасла людской род, положив конец войне победой мира культивации.

Пятнадцать лет спустя дети демонов вернулись, и Лин Уюй, как молодой глава Секты Небесного Меча, взял на себя этот тяжелый груз.

Его мать была полудемоном из расы Лазурного дракона, но он никогда не считал наличие демонической крови позором. Всю жизнь он хранил верность завещанию матери — Божественному Мечу Линъюнь, и его чистое сердце никогда не было осквернено мирской грязью.

Мать же самого Ци Цзинчжи была Белым Журавлем, которая случайно попала в императорские охотничьи угодья, где и завязался её роман с императором. Но позже, во время дворцового переворота, когда к власти прорвались родственники императрицы и правитель погиб, она передала свою силу Ядра демона сыну и повесилась.

План, призванный склонить подопечного к исправлению, снова провалился. Система номер 996 вздыхала, но, глядя на то, как Ци Моюнь, сбросив все маски и защиту, сладко спит, как он мог заставить его делать что-то против воли?

Не в силах давить на него, подумал 996.

Благодаря силе Ядра демона, Ци Цзинчжи обернулся белым журавлем и бежал из дворца. Пролетая над Сектой Небесного Меча, он случайно принял на себя удар небесной молнии, после чего был подхвачен Бессмертным Почтенным Цюньюем, проходившим в тот момент вознесение. Почтенный счел это небесным провидением и взял его в ученики.

Его Учитель — тот, кого он почитал как божество, — изменился: бывшее спокойствие исчезло, в

глазах полыхала жажда убийства, и он собственноручно начертал на шее ученика Оковы Греха.

Система не знала, что Ци Моюнь спит вовсе не так сладко.

Ради этого он был готов вечно оставаться тем самым посредственным учеником, неспособным преодолеть стадию Зарождающейся Души, о котором с презрением отзывался Се Силоу, лишь бы всю жизнь находиться рядом с ним и принимать его наставления.

Самым абсурдным и бесящим было то, что никто из персонажей книги не знал, что Ци Цзинчжи — это и есть Ци Ханьин.

Ци Моюнь очень полюбил эту одежду.

Однако его Учитель, Бессмертный Почтенный Цюньюй, Се Силоу, практиковал Путь Бесчувственности, а значит, был обречен никогда не откликаться на чувства.

Ци Цзинчжи однажды спускался с гор, чтобы странствовать по миру, и в то время взял себе имя Ци Ханьин.

Ци Моюнь, словно лишенный костей, перевернулся на кушетке. Он был сонный, длинные ресницы подрагивали, черные волосы разметались по подушке. Он вытянул длинную, изящную шею, обнажив кольцо ярко-красных чар, которые на фоне бледной кожи казались ещё более вызывающими. Тонкая, светлая рука свисала с края кушетки, слегка покачиваясь.

Эта страница жизни Ци Цзинчжи занимала в книге совсем немного места, а его чувства к Се Силоу были описаны весьма туманно.

— Мне было бы достаточно прожить эту жизнь, ничем не выделяясь.

Говорили, что автор этой книги сдал императорский экзамен, получив звание танхуа, и ему больше не нужно было писать книги ради пропитания.

Сердце Ци Цзинчжи на самом деле было очень маленьким: в нём не нашлось места для спасения всех живых существ, оно было заполнено лишь его Учителем. Всё, что он делал, объяснялось лишь тем, что в какой-то момент он задумывался: а как бы поступил Учитель? И действовал именно так.

Когда последняя черта проклятия была начертана, сердце Ци Цзинчжи тоже умерло.

Но, вернувшись в Секту Небесного Меча, он снова становился тем самым Ци Цзинчжи, который неизменно носил маску и оставался равнодушным к мирской суете.

Система 996 почесала голову: Ничего страшного, подопечный. Демонический Владыка — не главный герой, он совершенно не может причинить тебе вреда. Вот о ком стоит беспокоиться, так это о главном герое.

Ходили слухи, что одна из любимых наложниц императора плакала ему, умоляя приказать автору переписать концовку, но правдивы ли они — никто не знал.

Книга пользовалась огромной популярностью в народе и даже проникла в императорский дворец. Хотя роль Ци Цзинчжи была невелика, он стал самым любимым персонажем после главного героя, особенно среди читательниц. Когда вышел финал, армия поклонниц пришла в

ярость; они организованно отправились к поместью автора, развернули транспаранты и забросали двор бумагами с гневными обвинениями, так что бедняга-автор боялся носа высунуть наружу.

Ци Цзинчжи было всё равно. Всё, чего он желал, — это просто быть рядом с Се Силоу, и не более того.

Ци Моюнь, выслушав это, погрузился в молчание.

Такую одежду не нужно было перехватывать поясом, достаточно было просто накинуть на плечи, что сэкономило время и силы.

Ци Ханьин был легендой Трех Миров.

Затем 996 продолжил рассказывать историю оригинального Ци Цзинчжи.

Можно сказать, что Ци Ханьин был светлым лунным светом в сердцах обитателей Трех Миров.

Лишь когда он полностью сокрушил силы детей демонов, он понял: пока он охотился за ними, кто-то охотился за ним. Так называемое преследование детей демонов было лишь заговором Демонического Владыки из Мира Демонов, призванным ослабить силы мира культивации.

А потом автор бросил эту книгу.

Позже, неясно с какой стати, он вырезал эту сюжетную линию, а финал Ци Цзинчжи описал одной фразой: скончался от тоски.

На нем была длинная футболка — современная вещь, которую он достал из старого системного хранилища, чтобы заполнить ячейку для наград.

Он закрыл глаза, свернулся калачиком, утопая в мягком одеяле, и погрузился в сон.

Столкнувшись с клеветой Гун Цяньшуя, Ци Цзинчжи похолодел от отчаяния. Он хотел оправдаться, но Се Силоу сжал его горло.

Стоило ему закрыть глаза, как он попадал в круговорот кошмаров.

— История такая длинная.

В книге упоминалось, что уровень культивации Ци Цзинчжи был гораздо выше стадии Зарождающейся Души.

Он был несравненно прекрасен и обладал непостижимой силой. Он восстанавливал разломы между миром монстров и миром демонов, помогая Владыке Демонов и Демоническому Владыке привести в порядок духовную энергию двух миров; давал советы в моменты замешательства трем главным школам конфуцианства, буддизма и даосизма, способствуя их развитию; спасал целый город людей, которых чиновники хотели сжечь во время эпидемии, и помог людям одолеть мор, став богом в глазах человечества.

Ци Цзинчжи везде носил маску, но, будучи Ци Ханьином, он не скрывал своего истинного лица.

Но Се Силоу не даровал ему даже самого элементарного доверия.

Ци Цзинчжи тоже был полудемоном.

Обожание? Сыновья любовь?

Никто не мог угадать.

За эти полгода, хотя большую часть времени он проводил в полудреме, он ни разу по-настоящему не выспался.

День и ночь его преследовали одни и те же сны, словно он корчился в аду.

В этот раз его сон отличался от обычных.

Прекрасный, как небожитель, человек с белыми волосами и в белых одеждах одной рукой сжимал его подбородок, а другой водил по его незащитной шее. Ногти впивались в кожу, и вместе с холодной духовной силой плавно вырезали на ней кольцо проклятия.

Он не чувствовал боли, лишь пристально смотрел в холодные серебряные глаза, скрытые под белыми ресницами, и чувствовал, как его сердце постепенно увядает и умирает.

— Ци Цзинчжи! Выходи! Оглох? Я сказал, выходи!

Ци Моюнь резко проснулся, сел и тяжело задышал.

Спустя мгновение он привел себя в порядок, снова превратившись в прежнего холодного и равнодушного Ци Цзинчжи. Его глаза были глубокими, как омут, и лишёнными всякого света.

Он медленно открыл дверь.

Ученики, увидев его лицо, дружно ахнули. Те десять учеников Пика Знаменитого Меча, что уже видели его истинный облик, лишь на мгновение замерли, а остальные — с Пика Чжиюань — так и застыли на месте, уставившись на него во все глаза.

[Динь! Сработало свойство Обаяния всеобщего любимца. Прохожие в замешательстве. Очки симпатии: +100 (x20). Разблокированы вторая и третья строки системного хранилища.]

Ци Моюнь оставил уведомление без внимания.

Среди бушующей метели его тонкое белое одеяние развевалось на ветру, черные волосы летели по воздуху. Ступая по льду и снегу, он направился прямо к Сун И.

Сун И, расплывшись в сальной улыбке, бормотал что-то невнятное, совершенно не осознавая надвигающейся опасности.

Ци Моюнь уже задействовал всю мощь Боевой системы.

Достаточно одного удара, чтобы сравнять весь пик с землей.

В его глазах застыл лед. Стоило ему бросить холодный взгляд, как ноги Сун И задрожали. Однако того ослепила похоть, он лез на рожон, словно мотылек на огонь — разве мог он думать о чем-то другом?

Внезапно ветер и снег стихли, черные тучи рассеялись, и небо мгновенно прояснилось.

Ци Моюнь опомнился и приостановил удар, который уже был готов высвободить.

Столь странное природное явление было чем-то необычайным. Он нахмурился, глядя на безоблачное небо.

Сначала послышалось птичье пение, а следом вдалеке показалось черное облако. Приблизившись, оно оказалось стаяй бесчисленных птиц, которые с сокрушительной силой неслись вперед. В то же время земля начала яростно дрожать, и этот грохот, словно рушатся небеса и трескается земля, привел в чувство учеников, находившихся под влиянием Обаяния всеобщего любимца. В хаосе они увидели, как со всех сторон к ним бегут звери: пятнистые олени, лисы, тигры, волки, змеи — казалось, все живые существа Секты Небесного Меча пробудились от зимней спячки и устремились в одно место.

И их целью были они!

Плотная стая птиц падала на учеников, словно стрелы, клюя их в головы и тела, однако ни одна птица не тронула Ци Моюня.

Ученики не переставали истошно вопить.

— Что... что происходит?

— Помогите! Спасите!

— А-а-а, как больно!

— Волки! Волки идут!

— Меч! Где мой меч?

— Перестаньте драться! Бегите! Скорее бегите!

Ученики в панике бросились к задним горам.

Сун И, уже весь в синяках и ссадинах от птичьих клювов, с воплями катался по земле, когда ему за шиворот заползла ядовитая змея. Ослепленный жадностью, он попытался подползти к Ци Моюню и обнять его за ноги. Получив отпор, он завопил: — Ци Цзинчжи! Лекарям Пика Чжиюань срочно нужны травы, чтобы спасти людей! Если завтра не принесешь всё по списку, считай себя мертвецом!

Он бросил кусок ткани к ногам Ци Моюня и, спотыкаясь, побежал к задним горам, но, оступившись, свалился с крутой каменной лестницы.

Налетел шквал, небо мгновенно затянуло тучами, повалил густой снег, похожий на разорванную вату.

Метель вернулась.

Несколько птиц принесли ярко-красный плащ из перьев журавля и накинули на плечи Ци Моюня.

Тяжелый плащ отрезал холод, тело Ци Моюня постепенно согрелось, а гнев, вспыхнувший из-за того, что его разбудили, утих. Он был озадачен увиденным чудом и в конце концов наклонился, чтобы поднять умирающую птицу.

Птица билась в его ладонях — такая жалкая. Ци Моюнь очень осторожно, почти с трепетом, погладил её крыло, и — чудо — птица ожила и, взмахнув крыльями, полетела в сторону леса.

Взгляд Ци Моюня последовал за ней.

Голые стволы деревьев были присыпаны снегом, и, казалось, ничего необычного там не было.

Ци Моюнь коснулся мягкого меха своего плаща.

Звери и птицы окружили его, радостно щебеча или виляя хвостами, выпрашивая ласку.

Он опустил взгляд на змею, показывающую раздвоенный язык, и, побледнев, поспешно отвел глаза. В этот момент к нему придвинулся белый тигр.

Ци Моюнь едва не вскрикнул.

Тигр немедленно опустил голову, приняв такой обиженный вид, что его янтарные глаза потеряли блеск, подернувшись влагой. Сердце Ци Моюня дрогнуло. Неизвестно, откуда в нем взялась храбрость, но он протянул руку и коснулся головы тигра.

Тот с удовольствием потерся о его ладонь, издавая мурлыкающий звук.

Большой кот! Ци Моюнь чесал тигра под подбородком, мысленно вопя от восторга: приятный... очень приятный на ощупь.

Он, кажется, начал понимать, почему люди так любят пушистых зверей.

Дальше Ци Моюнь одарил вниманием каждого — за исключением змеи, он погладил всех до единого.

— Подопечный... — наконец подала голос система 996. — Очки симпатии увеличились на двадцать две тысячи, разблокировано двадцать две ячейки хранилища.

— Из-за этих животных?

996 ответил: Эти мелкие демоны дали лишь крохи. Двадцать тысяч очков симпатии пришло от одного очень влиятельного лица.

— Есть идеи, от кого?

996: Без понятия.

Не успел он обдумать это, как Ци Моюнь мысленно воскликнул.

Он увидел, как лиса, которую он только что гладил, превратилась в юную девушку в желтом платье, стоящую на коленях и поднимающую на него свои чарующие глаза. Белый тигр также обернулся беловолосым юношей, у которого на голове подергивались тигриные ушки.

Остальные животные, по-видимому, не обладали достаточной силой, чтобы принять человеческий облик.

Маленькая лисица подняла с земли кусок ткани и протянула его Ци Моюню, произнеся сладким голосом: — Братец-небожитель, что здесь написано?

Ци Моюнь мельком взглянул на ткань.

На ней стояла печать Пика Чжюань, а сверху было написано: Во время отборочного турнира учеников произошел несчастный случай, зверь Огненный Гром вышел из-под контроля и ранил людей. Многие пострадали от демонического огня, срочно требуются жимолость, дудник, коптис, центелла и так далее.

Это был длинный список трав.

Пик Чжюань был местом жительства лекарей, а Пик Духовных Лекарств специализировался на поставке им сырья.

Ци Моюнь вспомнил: ещё до сбора урожая лекарственные поля пришли в запустение, и склад, естественно, оказался пуст.

Он поднял взгляд на заснеженные грядки.

Зверюшки обходили поля, не оставив ни единого следа, — они проявили удивительную чуткость.

Но он всё равно не мог понять: почему на Пике Духовных Лекарств, где такая богатая почва, много духовной энергии и дождей, а птицы каждое утро прилетают клевать вредителей, поля стоят заброшенными?

Наступила ночь. Снег прекратился.

Юноша-тигр уже успел построить для Ци Моюня изысканный маленький дворик с тремя домиками и горячим источником на заднем дворе.

Конечно, о травах тоже не стоило беспокоиться.

Все живые существа связаны энергией Ци, и под воздействием демонической ауры, которую излучали маленькие демоны, увядшие травы не только ожили, но и гордо зацвели посреди зимы, окутанные аурой и совершенно не боясь непогоды.

Лисичка уже помогла ему собрать лекарства и разложить их по корзинам.

Только вот демоны не знали кулинарии и не могли приготовить пищу из продуктов, которые Ци Моюнь доставал из системного хранилища. Его любимую свежую рыбу пришлось выпустить в пруд — пусть плавает, смотреть на неё можно, а вот съесть нельзя.

В реальности Ци Моюнь был обычным человеком и привык питаться трижды в день. Став Демоническим Владыкой, он сохранил эту привычку — даже если не голоден, всё равно нужно поесть. Став Ци Цзинчжи, он лишился своей духовной силы, стал обычным человеком и, конечно, начал испытывать голод.

Хорошо, что у него были сладости.

Всё-таки, имея более двадцати тысяч очков симпатии, получить их было проще простого.

Хотя 996 полдня ворчал, что питаться одними сладостями вредно, ни они сами, ни два маленьких демона готовить не умели.

Очков не хватало, чтобы обменять их на готовую еду высшего класса — для этого нужно было пять миллионов очков. Ци Моюнь пожалел, что порог системы наград был таким высоким, и отключился, уйдя в себя.

Ци Моюнь спросил демонов, почему они решили ему помочь, но те хранили полное молчание.

Что ж, пусть будет так.

Ци Моюнь наслаждался тем, что наелся сладостей досыта, позволил лисичке завязать ему хвост и неспешно отправился в горячий источник.

Юноша-тигр и лисичка спрятались за столетним деревом, которое едва могли обхватить пять человек, и осторожно высунули свои головы.

Ниже них олень тоже вытянул шею.

А ещё ниже — маленький волк.

В источнике Ци Моюнь, одетый лишь в тонкую нижнюю рубашку, стоял к ним спиной. Высоко завязанные черные волосы касались выступающих лопаток, линии спины были необычайно изящными.

Лисичка втянула носом воздух и вытерла рукавом кровь из носа.

Они так засмотрелись, что не заметили, как в воде всплеснуло — Ци Моюнь вышел на берег, накиннул одежду и, в ужасе отпрянув на несколько метров, прижался спиной к стене дома.

Демоны поспешили к нему: — Что случилось?

Лицо Ци Моюня побледнело, он мысленно кричал: Страшно! Как страшно!

Затем он опустил глаза и, стараясь говорить ровным тоном, чтобы сохранить образ спокойствия, произнес: — Змея...

Лица юноши-тигра и лисички мгновенно позеленели.

Мы все осмеливались только издали подглядывать за ним, а какая-то паршивая змея посмела залезть в источник?

Демоны вместе с оленем и волком набросились на маленькую змейку, пиная её, но вдруг юноша-тигр что-то заметил, замер и закричал: — Это не змея, кажется, это дракон!

Лисичка невозмутимо ответила: — Какая разница, кто это! Раз посмел подглядывать за братцем-небожителем, бейте его!

Она уже собиралась наступить на неё, как вдруг разлилась густая демоническая аура, чье давление, подобно буре, накрыло всё вокруг. Испуганные демоны упали на колени: — Приветствуем Владыку Демонов!

Дракончик обернулся мужчиной в красном, который окинул дрожащих демонов узкими глазами. Красная родинка под его левым глазом излучала зловещий свет.

Он не обратил внимания на них, а шаг за шагом двинулся к Ци Моюню с соблазнительной улыбкой. Когда он поднял руку, намереваясь опереться о стену, две пары сильных рук —

лисицы и тигра — вцепились в его ноги.

— Владыка, вы почтили нас своим визитом, но зачем же скрывали свою ауру?

— Владыка, не вздумайте брать силой! Даже если вы получите его тело, вы никогда не получите его сердца!

Владыка Демонов: ...

Ци Моюнь успокоился и снова принял бесстрастный вид, подумав: «Хм, кажется, это те самые «две тысячи очков симпатии», но я не держу на него зла, продолжать принимать их, пожалуй, не стоит».

Владыка взмахнул рукавом, и всхлипывающие демоны лишились чувств. Олень и волк подхватили их и поспешно удрали.

Вокруг наконец стало тихо.

Владыка пристально посмотрел на Ци Моюня: — Ханьин, тебе нравится плащ из журавлиных перьев, который я подарил?

Как он меня назвал? Ханьин? Кто такой Ханьин? О, Ци Ханьин, вторая личность Ци Цзинчжи...

Ци Моюнь внезапно осознал: я... я разоблачен.

<http://bllate.org/book/22076/2295630>